

Э. И. Соломоник, И. А. Антонова

НАДГРОБИЯ ВРАЧЕЙ ИЗ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

РАСКОПКИ XVII башни оборонительных стен Херсонеса (башни Зенона) в 1960—1961 гг. показали, что ее древнейшая часть сложена из разбитых стел и других надгробных памятников¹.

Хронологическая однородность памятников и принадлежность многих из них членам одних и тех же семей позволяют заключить, что надгробия были взяты с одного участка некрополя. Это привело исследователей к мысли о том, что часть городского некрополя была разрушена ради усиления оборонительных сооружений в период долгой и затяжной войны Херсонеса со скифами.

При раскопках последующих лет (руководитель работ И. А. Антонова) большое количество стел и фрагментов надгробий обнаружено в кладке всех куртин и башен, защищавших участок так называемой цитадели², присоединенной к городу позже возведения его основной крепостной ограды (в 19, 20, 21-й куртинах и XVII₁ башне). Много надгробных памятников было найдено на этой территории еще при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 г.³ Кроме того, кладка наиболее ранней части 20-й куртины перекрывает основание надгробия типа найска. Все эти данные убедительно свидетельствуют о том, что мотивом предпринятого увеличения территории города было стремление улучшить и усилить его оборону, а использованные в кладке оборонительных сооружений памятники брались с того участка некрополя, который в результате перестройки оказался внутри крепостной ограды.

Среди надгробных памятников, использованных в качестве строительного материала в кладке 20-й куртины, при раскопках 1969 г. были обнаружены две стелы с надписями и редкими, уникальными для Херсонеса изображениями. Они заслуживают специального рассмотрения.

Первая стела счастливо сложилась из шести кусков, вынутых из одного участка стены (рис. 1). Она выполнена из плотного сарматского из-

¹ Башня Зенона, СХМ, IV, 1969, стр. 11 сл., 55 сл.

² Это название закрепилось за описываемым участком относительно недавно, и понимать его следует лишь условно. Рельеф территории не позволяет видеть здесь цитадель города в обычном значении этого термина. К. К. Косцюшко-Валюжинич предполагал, что цитадель находилась в верхней части Херсонеса в районе римских терм, раскопанных им в 1903 г.

³ Архив ГХМ, д. 41, док. № 588, Письмо К. К. Косцюшко-Валюжинича В. В. Латышеву.

Рис. 1. Стела Лесханорида с метрической эпитафией
(Акварель А. Ф. Снежкиной)

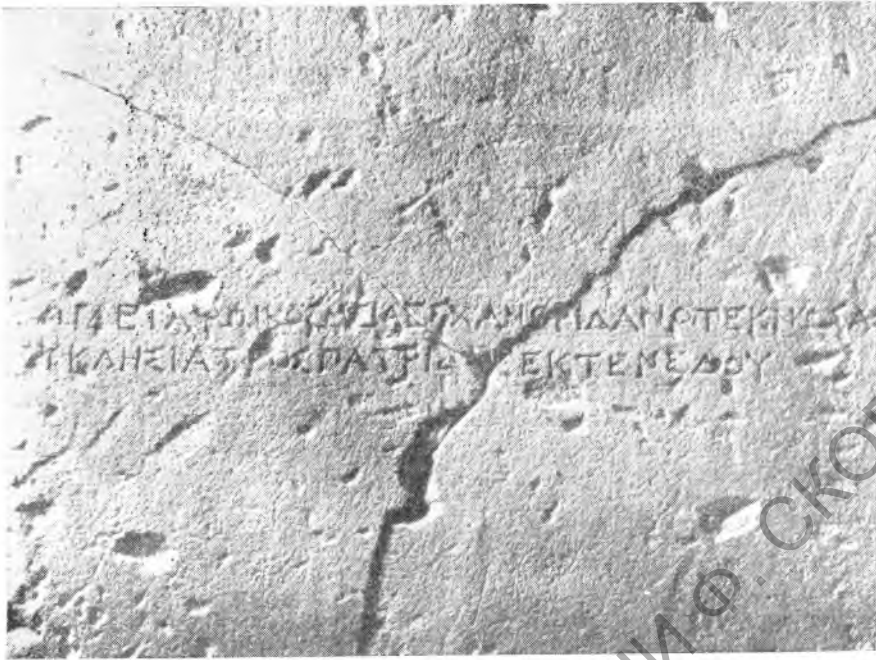

Рис. 2. Надпись на стеле Лесханорида (фото)

Рис. 3. Надпись на стеле Лесханорида (прорись)

вестника светло-желтого цвета с черными вкраплениями. Плита слегка расширяется книзу, поверхность тщательно сглажена, низ отбит, сверху профилированный карниз, украшенный орнаментом из ов на красном фоне. Небольшое круглое углубление на верхней плоскости камня (диаметр 7,2 см, глубина 4 см) было предназначено для вставки венчающей части стелы в виде какого-то резного или раскрашенного анфемя⁴.

Размер плиты: сохранившаяся высота 115 см, ширина сверху 36,5 см, внизу — 38 см, толщина 15 см, высота карниза 8,1 см.

Верхнюю часть стелы занимает изображение (о нем см. ниже), под ним, примерно на середине плиты, четко и глубоко вырезана по линейкам двухстрочная греческая надпись (рис. 2 и 3). Она сохранилась полностью,

⁴ Ср. Башня Зенона, стр. 36, рис. 15.

если не считать повреждений нескольких букв из-за выбоин и сколов. Буквы высотой около 1 см обведены красной охрой.

Особенности шрифта: Ε имеет короткую среднюю черточку, Π и Ν — укороченную правую вертикаль, Σ — сильно расставленные боковые гасы, выходящие за линию строки, и короткую широкую развилку, *omega* небольшая, со слегка сходящимися концами дуги; на некоторых буквах линии немного выгнуты, а концы утолщены или украшены апексами, у Α, Δ и Λ вверху вертикальное утолщение. Близкие формы и пропорции букв встречаются на стелах из башни Зенона, датированных IV и III вв. до н. э.⁵, в надписях Боспора, Ольвии, Месембрии и Аттики того же времени⁶. Учитывая близость письма эллинистической эпохи в различных центрах античного мира, можно отнести новую надпись к концу IV или началу III в. до н. э.

Эпитафия стихотворная, размер — элегический дистих, состоящий из дактилического гекзаметра и пентаметра.

[Τ]ῶιδε τάφω κοσμέῃ Λεσχανορίδαν ὁ τεχνώσας
Εὐκλῆς ἰατρός πατρίδ[ο]ς ἐκ Τενεδού.

Дословный перевод: Этой гробницей почитает Лесханорида родивший (родитель) Эвклес, врач, родом с Тенедоса.

Стихотворный перевод:

Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду,
Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес.

Перед нами самая ранняя метрическая эпитафия Херсонеса. От кустарных поделок римского времени ее отличает хороший язык, содержательность и полное соблюдение размера. В гекзаметре два обычных спондея (во второй и третьей стопе), в пентаметре — в двух первых стопах.

Применение инверсии (ὁ τεχνώσας Εὐκλῆς) создает вначале некоторую трудность для понимания текста. К эпическому языку восходит только местоимение ὁ (= ες), употребляемое Гомером со значением *proponen pers.*; πατρίδος — Gen. generis; τῶιδε — Dat. sing. от указательного местоимения ὅδε (этот). Словосочетание τῶιδε τάφω встретилось нам в одной стихотворной эпитафии из Македонии IV в. до н. э.⁷, зачин с местоимения ὅδε — в надгробии из Синопы V в. до н. э. и Спарты III—II вв.⁸

Греческие эпитафии разделяют на два основных типа: аттический и азиатский. В эпитафиях аттического типа номинативная конструкция и указано только имя погребенного, в эпитафиях второго типа — часто аккузативная конструкция и добавлено имя лица, поставившего надгробие; изредка употребляется глагол⁹. По указанным признакам рассматриваемая надпись должна быть отнесена к азиатскому типу, что вполне согласуется с происхождением Эвклеса и его сына. Глагол κοσμέω также отмечен в эпитафиях азиатского типа, особенно из Исаврии¹⁰. Еще одна

⁵ Башня Зенона, стр. 57; ср. также IOSPE, I², 504 (IV — III вв. до н. э.).

⁶ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович, Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре, НЭ, III, 1962, табл. II, 3; Т. Н. Книпович, Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии, НЭ, VI, 1966, табл. IX, 2, 3; IGB, I, 333, 334; I. Kirchner, *Imagines inscriptionum Atticarum*, B., 1935, табл. 34, № 80 (278/7 г. до н. э.).

⁷ W. Peek, *Griechische Vers-Inschriften*, B., 1955, № 1444a.

⁸ Peek, *ук. соч.*, № 903; 1960 a.

⁹ I. Kajanto, *A Study of Greek Epitaphs of Rome*, «Acta Instituti Romani Finlandiae», II, 3, Helsinki, 1963, стр. 18 сл. Каянто отмечает, что аккузативная конструкция, вероятно, имитировала почетные надписи.

¹⁰ Kajanto, *ук. соч.*, стр. 19, прим. 3.

излюбленная их черта — указание на профессию¹¹. Соблюдение всех этих особенностей в стихах, причем без нарушения размера, было под силу только человеку, свободно владевшему техникой греческого стихосложения.

Прежде чем комментировать текст надписи, дадим описание сопровождающих ее изображений. На проведенной краской белой линии стоят лицом друг к другу две обнаженные мужские фигуры (высота 47 см). Контурный монохромный рисунок, покрытый красной охрой, создает яркое красочное пятно на желтоватом фоне камня. Скупая манера исполнения не помешала художнику по-разному, почти контрастно трактовать обе фигуры. Мужчина, стоящий справа, не строен, грузноват; он стоит, сомкнув ноги, слегка наклонив голову и подняв согнутые в локтях руки. Второй мужчина моложе и изящнее, тело его в напряжении и движении; ноги слегка расставлены, туловище немного откинута назад, а голова чуть выставлена вперед, руки протянуты перед собой в сторону другой фигуры.

Под карнизом мастер поместил изображение медицинских инструментов, сделав их очень большими по отношению к фигурам: слева — щипцы (25,5 см), справа — пинцет (26—27 см), а в середине — кровососная банка с кольцом (16,5 см), окрашенная желтой и красной охрой.

Красочный слой сохранился сравнительно хорошо, полностью выявлен и закреплен благодаря очистке и консервации в лаборатории Херсонесского музея. Следы краски на местах старых выбоин указывают на то, что стелу подновляли еще в древности.

На стелах из Малой Азии часто изображали различные орудия труда, но для Херсонеса известно лишь два таких памятника¹², изображение же медицинских инструментов до сих пор не встречалось в Северном Причерноморье.

Содержание надписи и изображения составляет одно неразрывное целое, помогая раскрыть заключенный в них смысл; изображение не столько иллюстрирует текст, сколько дополняет и обогащает его содержание. Этот небольшой памятник с немногословной надписью заключает в себе много сведений, особенно по сравнению с метрическими эпитафиями римского времени, которые воспевают главным образом моральные достоинства покойного и насыщены штампованными эпитетами, мало дающими для конкретной его характеристики.

Итак, мы узнаем, что в Херсонесе практиковал врач Эвклес, приехавший с Тенедоса. О профессии его сына Лесханорида в надписи не говорится, хотя эпитафия посвящена именно ему, но ответ на этот вопрос дает изображение медицинских инструментов, которые могут относиться только к погребенному. Ведь и на многих стелах с прозаическим текстом только изображение свидетельствует о профессии. Следовательно, отец и сын были врачами.

В греческих городах врачи пользовались особым почетом, и медицинской занимались свободные граждане, часто из богатых и знатных семей (в римский период, напротив, это была обычная профессия вольноотпу-

¹¹ Е. С. Г о л у б ц о в а, Очерки социально-политической истории Малой Азии, М., 1962, стр. 57. Эта традиция, видимо, продолжалась и в более позднее время. По подсчетам А. Я. Гуревича («Из экономической истории одного восточноримского города», ВДИ, 1955, № 1, стр. 133), около 60% надгробий киликийского города Корика V — VI вв. содержат указание на профессию.

¹² См. Э. И. С о л о м о н и к, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, № 46 (там же ссылки на все предшествующие издания); В. Н. Д а н и л е н к о, Надгробные стелы, СХМ, IV, 1969, стр. 37 сл., рис. 16.

щеников и рабов, нередко греческого происхождения¹³). Среди упоминаемых в надписях врачей назovem Ксенотима из Гераклеи Понтийской (IV в. до н. э.), Фидия с Родоса (304/3 г. до н. э.), Аполлония из Милета (188 г. до н. э.) и врача с Коса (221—219 гг. до н. э.)¹⁴. Все они уехали с родины и работали в других городах. К числу публикаций последнего времени относятся: почетный декрет из Истрии II в. н. э. в честь врача Диокла из Кизика, другой декрет из Истрии II в. н. э., в котором названа коллегия врачей (*δημόσιοι ἰατροί*), находившихся на государственной службе¹⁵, фрагмент надписи из Дионисополя III в. н. э., где среди различных должностей указаны и врачи¹⁶.

Имя отца Эвклес с компонентом *-κλῆς* указывает на его аристократическое происхождение¹⁷. О том же свидетельствует и дорогое надгробие со стихами и живописью.

Профессия врача, как правило, была потомственной; сын обучался у отца искусству врачевания, а затем становился его помощником в работе. Видимо, так было и с Лесханоридом, который вместе с отцом уехал в Херсонес. Скупые строки эпитафии не рассказывают о причине его преждевременной смерти и горе отца, который вдали от родины лишился сына и сотрудника.

Имя Лесханорид не встречалось в греческой ономастике и словарями не засвидетельствовано. Полагаем, что его можно сопоставить с одним из эпитетов Аполлона — Лесханорий (*Λεσχηνόριος*), от которого происходит название праздника, а затем и месяца лесханория в Фессалии, Тегее и Гортине на Крите¹⁸. Древние связывали этот эпитет с *λέσχαί*, так как считали Аполлона покровителем лесхи¹⁹, где происходили деловые знакомства, встречи и беседы, как например, в знаменитой квидской лесхе в Дельфах, украшенной Полигнотом. Отсюда и такие имена, как *Λέσχυς* и *Λεσχίδης*²⁰.

Имя *Λεσχηνορίδας* имеет дорийскую огласовку и образовано с помощью суффикса *-ιδας (-ίδης)*, который первоначально был патронимическим (ср. Алкмеониды — дети Алкмеона, Атриды — Атрея и т. п.), а позже стал употребляться в обычных именах. Быть может, редкое имя, которое дал сыну Эвклес, объясняется тем, что уже при рождении он решил сделать его врачом и выбрал имя в честь одного из покровителей медицины — Аполлона²¹.

Надпись врачей впервые указывает на связи Херсонеса с городом Тенедосом, расположенным на одноименном острове в Эгейском море, около берегов Трояды, недалеко от Геллеспонта (совр. *Bozcaada* в Турции). Ранее был известен почетный декрет тенедосцев II в. до н. э. в честь крупного купца Посидея, проживавшего в Ольвии, а затем в столице скифского государства в Крыму — Неаполе (IOSPE, I², 78).

¹³ S. Reinach, Medicus, в кн. D a r e m b e r g e t S a g l i o, Dictionnaire..., III, 2, 1904, стр. 1671; М. Е. Сергеев, Неизвестные врачи древней Италии, ВДИ, 1960, № 4, стр. 115, 117.

¹⁴ Syll.³, 239 c, 335, 528, 620.

¹⁵ Em. P o r e s c u, в SCIV. 1956, 3—4, стр. 347 сл., 360.

¹⁶ М. Мирчев, в ИВАД, VIII, 1951, стр. 36 сл.

¹⁷ А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко, Новые эпиграфические находки..., ВДИ, 1969, № 3, стр. 156.

¹⁸ B i s c h o f f, Leshanorios, RE, XII, 2, 1925, стб. 2134 сл.; К o c k, Leshenorios, там же, стб. 2135.

¹⁹ Н. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1961, s. v. *λέσχη*.

²⁰ P a r e — B e n s e l e r, s. v.

²¹ О семьях римских врачей, где при рождении детям давали профессиональные имена типа Медик, Диет, Помощник и др., см. М. Е. Сергеев, Ремесленники древнего Рима, Л., 1968, стр. 54.

Из 482 метрических эпитафий, изданных Вернером Пееком, только одна принадлежит тенедосцу²². Она происходит из города Пафоса на Кипре, датируется началом III в. до н. э. и, подобно херсонесской, поставлена на могиле некоего Феда, сына Дамассагора, искуснейшего из врачей Элады (σοφώτατον... ἰατρῶν). В четверостишии упомянуто о знатности рода Феда, который вел свое происхождение от Атридов (потомков Агамемнона), считавшихся мифическими основателями Тенедоса²³.

Сопоставление обеих надписей, близких по времени, вносит интересную черту в характеристику Тенедоса, где можно предполагать существование неизвестного медицинского центра, воспитанники которого разъезжались в различные города вплоть до северных берегов Черного моря и восточной части Средиземного моря. В V—IV вв. до н. э. в юго-западной части Малой Азии процветали две медицинские школы: книдская и особенно косская во главе с прославленным Гиппократом. К III в. до н. э. они захирели, уступив место Александрии и другим центрам.

В заключение скажем несколько слов об изображении фигур, оставив искусствоведам решать вопрос о художественных достоинствах и технике живописи, определении школы мастера, ближайших аналогиях и др.

До наших дней дошло не так много произведений античной живописи, и потому о некоторых распространенных сюжетах и формах мы порой должны судить по единичным образцам²⁴. Исследование башни Зенона дало свыше ста фрагментов с остатками полихромии, в том числе часть монументального надгробного памятника с прекрасно выполненной головой юноши, которую по выразительности и мастерству можно сопоставить с лучшими образцами античной живописи эллинистического времени; однако ни на одной из стел Херсонеса (в отличие от Боспора)²⁵ не сохранилось целиком живописного изображения человеческих фигур, и стела врача составляет первое исключение. На многих стелах — орнаментальная роспись карнизов и фронтонов, пальметки, изображение оружия, принадлежности атлета, траурных лент и др.²⁶

Из-за некоторых дефектов плиты не удастся полностью восстановить очертания рук обеих фигур, но если мы правильно трактовали фигуры как изображение юноши и пожилого мужчины, то вправе предполагать сцену прощания сына с отцом — излюбленный мотив надгробий эллинистического времени²⁷. Юный возраст сына-врача не должен нас смущать, так как обучение медицине заканчивали рано и по рекомендации учителя (часто отца) ученики получали право самостоятельной практики. Убедительное доказательство тому — надгробия некоторых врачей с указанием их возраста, например, Фасиса 17 лет и Менандра 21 года²⁸.

Иногда на стелах врачей изображали прием пациентов. Так, на одном рельефе врач ощупывает живот мальчика, на другом — лечит глаза жен-

²² Пеек, Grabgedichte, В., 1960, № 138 (= Griechische Vers-Inschriften, 1955, № 902).

²³ Там же, стр. 301, комм.

²⁴ См. А. П. Чубова, А. П. Иванова, Античная живопись, М., 1966; W. Lерик-Корасзунска, Die antike Malerei, В., 1963.

²⁵ А. П. Иванова, Скульптура и живопись Боспора, Киев, 1961, стр. 98—117.

²⁶ См. СХМ, IV, рисунки.

²⁷ Ср. А. Копзе, Die attischen Grabreliefs, II, 2, В., 1900, № 1002, 1004—1006, табл. 195—197; IV, 1911—1922, № 2096, табл. 460 и мн. др. Часто около одного из изображенных стоит имя, видимо, отличающее фигуру покойного. Поэтому нам кажется неубедительным мнение Фуртвенглера, трактующего изображение на лекифе № 1002 (см. Копзе, ук. соч.) как встречу умершего Филесия с его покойным отцом в Аиде. Ср. также D. Lазаридис, Stéle peinte d'Amphipolis, «Antike Kunst», В., 1969, № 2, стр. 68 сл. (III в. до н. э.).

²⁸ Сергеевко, Ремесленники древнего Рима, стр. 52.

щины²⁹. Сцена осмотра или лечения больного могла быть и на херсонесском надгробии, но тогда трудно объяснить обнаженную фигуру врача.

Вторая стела, вынутая в 1969 г. из 20-й куртины, сохранилась значительно хуже (рис. 4). Она также выполнена из желтого сарматского известняка и слегка расширяется книзу. Сохранившаяся высота 53 см, ширина вверху 46,3 см, внизу — 46,7 см, толщина 19,5 см, высота карниза 8,2 см.

Заметна вертикальная ось, проведенная мастером при разметке плиты. На профилированном карнизе видны следы ов на красном фоне. Под карнизом крупными четкими буквами вырезана двухстрочная греческая надпись, обведенная красной охрой (рис. 5). Высота букв 2,5—2,7 см: Δ. Ο. Ω меньше остальных букв (1,5—1,7 см).

Шрифт сходен со шрифтом надписи на первой стеле и потому также датируется концом IV — началом III в. до н. э., но надписи сделаны разными мастерами.

Διονυσίος
Πανταγνώτου

Перевод: Дионисий, сын Пантагнота.

Лаконичная эпитафия с именем и патронимиком, каких много в Херсонесе и других античных городах эллинистического времени, не содержит дополнительных сведений об умершем.

Теофорное имя Дионисий имело повсеместное распространение, патронимик Пантагнот — новый для Херсонеса. Составное греческое имя Πανταγνώτος или Πανταγνώτος («всезнающ» или «знаменит») принадлежит к редким, во всяком случае оно ни разу не засвидетельствовано в надписях Северного Причерноморья, Малой Азии и Болгарии (по данным Л. Згусты, Г. Михайлова, КЭН), но известно на Самосе³⁰.

После реставрации под надписью удалось рассмотреть крайне плохо сохранившийся рисунок красками. Здесь вновь оказался набор медицинских инструментов, но уже не из трех, а из пяти предметов: кровососная банка, спатора, пинцет, щипцы другой формы и еще какой-то инструмент, возможно зонд.

Совершенно очевидно, что подобное изображение могло украшать только надгробие врача.

Любопытна техника работы мастера. Сначала он наносил контур рисунка, затем выбирал вокруг небольшой слой камня, так что изображаемый предмет слегка выступал наподобие низкого рельефа, и покрывал его краской. То же заметно на архитектурном орнаменте (на овах). Желтая охра на инструментах и банке, должно быть, передает цвет бронзы, из которой их обычно изготовляли.

Не часто встречается такое — изображение медицинских инструментов на двух стелах, да еще эллинистического времени! Ведь всего-то известно считанное количество подобных памятников, которые давно включены в энциклопедии и книги по истории античной медицины³¹.

Естественно возникает вопрос: какие реалии к этим памятникам дают материалы из многолетних археологических раскопок Херсонеса?

²⁹ R e i n a s h, ук. соч., стр. 1679, рис. 4880; стр. 1683, рис. 4883 (= R e i n a s h, Répertoire de reliefs..., II, P., 1912, стр. 216, 2 и 501, 2); Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф, История медицины, М., 1925, рис. 28. Указанные памятники относятся к римскому времени.

³⁰ Pape — Benseler ссылаются только на Н е r o d., III, 39 и P o l y a e n., I, 23, 2 (имя брата Поликрата из Самоса).

³¹ D a r e m b e r g e t S a g l i o, Dictionnaire..., стр. 1387, 1389, Мейер-Штейнег, Зудгоф, ук. соч., рис. 28, 33; М. Табанелли, Chirurgia nell' antica Roma, Torino, 1956, табл. 85, 89, 91.

Рис. 4. Стела Дионисия (прорисовка А. Ф. Снежной)

Рис. 5. Надпись на стеле Дионисия (фото)

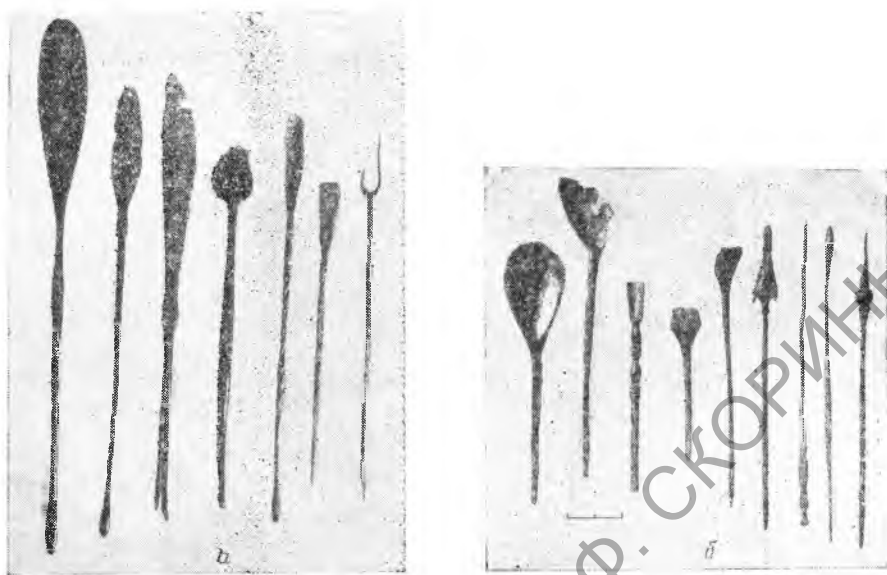

Рис. 6. Медицинские инструменты. Херсонес. Находки разных лет

В специальной работе С. И. Финогеновой упоминаются найденные там бронзовые спатолы (лопаточки), служившие, вероятно, термоприжигателями, и небольшие ложечки — мерки для приема лекарств³². Автор отмечает, что иглы, ножницы, ложки и стригили в равной мере использовались в быту и в медицине³³.

В 1955 г. около эллинистического дома был обнаружен толстостенный стеклянный флакончик с клеймом *Λυκίας λυκίων*³⁴. Аналогичные сосуды с клеймами III—II вв. до н. э. из Сицилии, Бизоны (Болгария) и Мирмекия определены как лекарственные, в которых привозили из Ликии ценное сырье растительного происхождения *λυκίων*, известное Цельсию и другим древним ученым³⁵. Как видим, оно попало и в Херсонес.

Просмотр материалов в фондах Херсонесского музея позволил выявить ряд новых памятников — это бронзовые скальпели, спатолы, зонды разной формы и др.³⁶ К сожалению, условия их находки и датировка остаются неизвестными (рис. 6).

При отборе инструментов мы руководствовались аналогиями из надежных медицинских комплексов, но некоторые из них могли использовать и для других целей. К спорным случаям можно отнести бронзовые инстру-

³² С. И. Финогенова, Античные медицинские инструменты, СА, 1967, № 1, стр. 152, рис. 2, 3 и 19; стр. 160, рис. 8, 2.

³³ Там же, стр. 160.

³⁴ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г., ХС, V, 1959, стр. 20, рис. 6. Хранится в Эрмитаже.

³⁵ В. И. Пругло, Эллинистические флаконы для лекарства, СА, 1961, № 1, стр. 192—209, рис. 2, 2. Автор переводит *Λυκία* как женское имя, но, возможно, здесь название страны Ликии, откуда и поступало лекарство (в противоположность *λυκίων* из Индии).

³⁶ Инв. 2093, 2098, 2100, 2109, 2285 (из раскопок Косцюшко-Валюжинича), 2097, 2099, 2106, 2111, 2287, 2288, остальные без номеров.

менты с футляром, найденные в 1910 г. в богатой вырубной могиле 229 (5) римского времени, открытой на участке некрополя около Загородного храма³⁷. Они были определены как принадлежности ваятеля, но ланцеты с утолщением на другом конце, служившем в качестве зонда, широко известны в античной медицине. Походные хирургические инструменты клали в футляры. Такой же круглый футляр с инструментами найден в «доме хирурга» из Помпей³⁸.

Древность не знала аптек, и врачи сами занимались приготовлением лекарств³⁹. Для растирания различных лекарственных веществ в античное и средневековое время применяли круглые мраморные ступки с пес-тиками⁴⁰ и прямоугольные полированные дощечки (какие могли использовать и художники для растирания красок).

Небольшая мраморная ступка с четырьмя выступами и сливом была найдена в Херсонесе с материалом II—III вв. н. э.⁴¹ Среди находок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1889 г. также отмечены часть мраморной ступки и мраморный пестик в форме согнутого пальца⁴². На аналогичном сосуде из Варны примерно VI в. н. э. по краю вырезана надпись: Ἰατρικῶν ὑρῶν⁴³.

Многочисленны и находки тонких шиферных и мраморных дощечек со скошенным с одной стороны краем и следами потертости в центре⁴⁴. В Балчике (Болгария) и недалеко от Парижа такие дощечки были обнаружены вместе с хирургическими инструментами⁴⁵.

Наибольшее количество и разнообразие медицинских инструментов, ставших образцом для определения подобных находок в других районах античного мира, было найдено в Помпеях в так называемом «доме хирурга»⁴⁶. Полный набор из 17 бронзовых хирургических инструментов хорошей сохранности нашли в древней Галлии вместе с 75 монетами III в. н. э.⁴⁷, несколько хороших образцов дали раскопки на Делосе⁴⁸. Описание древних хирургических инструментов из музеев Болгарии имеется в специальной статье Т. Сивкова⁴⁹. В районе Северного Причерноморья.

³⁷ Архив ГХМ, д. 103, № 1167 и 1168; ХС, II, 1927, стр. 250, рис. 22; Эрмитаж, инв. X. 1910. 101.

³⁸ Мейер-Штейнер и Зудгоф, ук. соч., рис. 50.

³⁹ «Lexikon der Antike», Lpz, 1971, стр. 51, s. v. *Apotheke*.

⁴⁰ S. Gron, *Museum Poloniae Pharmaceuticum*, Warszawa, 1967, стр. 175, рис. 97.

⁴¹ Хранится в Эрмитаже, инв. X. 1963. 172.

⁴² ИАК, I, 1901, стр. 34, рис. 29.

⁴³ V. Veseliev, *Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien*, В., 1964, № 139, рис. 138.

⁴⁴ ОАК за 1890 г., стр. 129; ОАК за 1892 г., стр. 110 и 115; Архив ГХМ, д. 25, л. 70; ГХМ, инв. 31089—31095 (из раскопок Косцюшко-Валюжинича); Архив ГХМ, д. 103, л. 962; инв. 20964 (раскопки Р. Х. Лепера). Аналогичные дощечки фигурируют в качестве медицинских и в Национальном музее в Дамаске.

⁴⁵ П. Ив. Стоянов, *Хирургические инструменты*, ИВАД, V, Варна, 1912, стр. 64 (II в. н. э.), В. Н. Бензенгр, *Замечательная археологическая находка. Карманный хирургический набор III в. по р. Х.*, в сб. «Труды Общества русских врачей в Москве», М., 1883, стр. 80. Бензенгр полагает, что на дощечках могли также точить инструменты. Ср. МИА, 69, 1959, стр. 219 (Тиритака).

⁴⁶ Л. А. Нейгебауэр, *О древних хирургических и гинеатрических инструментах, найденных в развалинах римских городов Помпей и Геркуланума*, «Варшавские университетские известия», 1884, № 1, 3—5.

⁴⁷ Бензенгр, ук. соч., стр. 79—84.

⁴⁸ *Exploration archéologique de Délos*, XVIII, P., 1938, стр. 221—225.

⁴⁹ Т. Сивков, *Материалы к истории хирургии в Болгарии*, «Хирургия», VII, 1954, № 5, стр. 317—319. Инструменты из Аквинка: см. J. Szilágyi, *Aquincum*, 1956, табл. I; из частной коллекции в Фессалониках — в «*Археолоγικὴν Ἐπετηρὶς*», 24(1969), Афины, 1970, стр. 294, табл. 304.

кроме Херсонеса, подобные находки зафиксированы в Ольвии⁵⁰, Хараксе⁵¹ и Тиритаке⁵².

Формы и назначение медицинских инструментов сравнительно мало изменились на протяжении веков и легко опознаются специалистами по истории медицины. Несколько видоизменилась изображенная на обеих стелах из Херсонеса и других памятниках кровососная банка, описание которой сохранилось в сочинении Корнелия Цельса (II, 11)⁵³. Кровососные банки, сообщает Цельс, делают из бронзы, рога и других материалов. В бронзовую банку вкладывают горящий фитиль, а затем прижимают к телу, пока он не прилипнет. Иногда предварительно надрезают скальпелем кожу, чтобы банка вытягивала кровь.

Разной формы спатолы служили, вероятно, для нанесения мазей и в качестве термopрижигателей. Пинцетами (с простым сгибом сверху или с перехватом) широко пользовались в хирургии, в том числе для извлечения посторонних предметов из ран и тканей⁵⁴. В наборе хирурга были также разнообразные скальпели и щипцы, зонды, иглы, крючки и пр.

О развитии медицины в Греции и Риме и древних медицинских школах известно достаточно много⁵⁵, но для истории городов Северного Причерноморья находки в Херсонесе имеют первостепенное значение.

Подытоживая все сказанное о новых херсонесских стелах, следует подчеркнуть следующие моменты:

1. Первая стела содержит самую раннюю метрическую эпитафию Херсонеса (конец IV — начало III в. до н. э.).

2. В греческих надписях Северного Причерноморья впервые упоминается врач⁵⁶.

3. В раннем Херсонесе одновременно практиковало несколько врачей.

4. В росписи стел новый для Причерноморья сюжет — изображение медицинских инструментов.

5. Одна из надписей устанавливает связи Херсонеса с Тенедосом и роль последнего как одного из медицинских центров эпохи эллинизма.

⁵⁰ Финогенова, ук. соч., стр. 147. В рукописном каталоге Одесского археологического музея, составленном Э. Р. Штерном, указано восемь медицинских инструментов из Ольвии, попавших в музей как дар или покупка (V, 1500—1504, 1507, 1509, 1513). Часть из них находится в экспозиции (инв. 26538—26540); ланцет, шпатели и зонды изображены в Альбоме карандашных рисунков (инв. 83179, табл. XVII).

⁵¹ В. В. Кропоткин, Римские импортные изделия в Восточной Европе, САИ, Д I-27, М., 1970, стр. 40.

⁵² В. Ф. Гайдукевич, Некрополи некоторых боспорских городов, МИА, 69, 1959, стр. 249, рис. 89, 2.

⁵³ Авл Корнелий Цельс, О медицине, пер. под ред. В. Н. Терновского и Ю. Ф. Шульца, М., 1959, стр. 68.

⁵⁴ Финогенова, ук. соч., стр. 152.

⁵⁵ Р. Вагнер, Медицинская наука, сб. «Эллиническая культура», СПб., 1906, стр. 556—559; Т. Гомперц, Греческие мыслители, СПб., 1911, стр. 242—271; Ф. Р. Бородулин, История медицины, М., 1961; М. П. Мультиановский, История медицины, М., 1967 и др. См. также Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Древняя Индия, М., 1969, стр. 460, 642 сл.

⁵⁶ До этой находки там была известна лишь латинская надпись о враче, прибывшем в Херсонес с римскими легионерами и убитом таврами (IOSPE, I², 562).

GRAVE MONUMENTS OF PHYSICIANS IN ANCIENT CHERSONESUS

by E. I. Solomonik and I. A. Antonova

The authors publish two stelae of the end of the IV or beginning of the III century B. C. which were found in 1969 while the investigation of Curtain 20 of the city's fortress walls was being completed. The Greek inscriptions on the stelae are cut and bordered in red ochre; beside them are traces of painting. The first inscription is an elegiac distich: «With this tombstone Eukles, physician born in Tenedos, honours his son Leschanoris». Under the cornice are depicted two male figures and some medical instruments: forceps, cupping-glass and pincers. The second inscription consists only of the name of the buried person: «Dionysios son of Pantagnotes»; it too is accompanied by representations of medical instruments (cupping-glass, spatula, pincers, forceps and what may be a probe).

The inscriptions are of great interest to the historian of ancient medicine. They are the first Greek inscriptions found in the North Pontic region to mention physicians (a Latin epitaph to a freedman physician is published in *IPE* I² 562) and the first to indicate ties between Chersonesus and Tenedos as one of the medical centres of the Hellenistic period. These stelae also bear the first representations of medical instruments to be found in the Black Sea coastal area.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ